

„Вечерний Ленинград“ 2 января 1968.

ДВА ВЕЧЕРА В ТЮЗе

На афише ТЮЗа — новые спектакли: «Радуга зимой», фантазия в 2 частях М. Рошина, и инсценировка рассказа М. Горького «Хозяин». Внешне спектакли не схожи. Различны их темы и драматургическая структура. Различны изображаемые в них эпохи. Резко отличен их эмоциональный настрой и зрительный образ. И все-таки в обеих постановках легко обнаруживаются «режиссерские почерки». В «Корогодском», сложившиеся на этой сцене традиции.

Сценическая композиция «Хозяина», куда вмонтированы эпизоды из другого горьковского рассказа — «Коновалов», весьма удачно сделана самим постановщиком. Театр предпослал спектаклю слова В. И. Ленина о рабах борющихся, рабах просто и рабах-холопах, расписывающих прелести рабской жизни. Эта цитата как бы высвечивает главное в изображаемом на сцене. В булочной Семенова работают и холопы, и люди, оглуевшие от нищеты, и те, кого не превратили в бессловесных рабов. Здесь проходит ученичество Алехи Пешкова. Артисты В. Тодоров, Б. Самойлов, И. Шибанов, В. Федоров, П. Мотров, Г. Пенюгалов стараются показать в людях, вроде бы уравнивших подневольным трудом, их индивидуальности, различие их судеб и связей с окружающим миром.

В центре спектакля, интересно оформленного молодым художником А. Порай-Кошиным, трое: Алексей (Г. Тараторкин), хозяин (Р. Лебедев) и Коновалов (А. Кравченко).

Булочник Семенов — бесспорно лучшая работа Р. Лебедева за последние годы. Точность бытовая и психологическая сочетается с социальным обобщением. У хозяина есть своя правда, проверенная опытом, страшная злость и кажущаяся неопровержимостью. Семенов твердо знает: в мире есть только рабы и хозяева. Работ он презирает. Тем, что сам хозяин, — гордится. Артист передает сложность психологического состояния Семенова: «Есть в нем душа, и беспокоит его». Потому и тишеет он к Софье (ее великолепно играет Л. Вагнер), у которой нет корысти, потому и вызывает его пристальный интерес Алексей. Семенову нужно переломить его, заразить тоской и безверием, превратить в раба или хозяина. Третьего не дано.

И судьба Коновалова словно подтверждает это. Он любит труд, как песню, «чувствует всякое движение жизни», но нет у него «точек опоры», не может он ничего дать людям, понять и их, и свой путь. Самоубийство — логический исход его жизни.

А. Кравченко создал образ сложный и обаятельный, откровен и детскость Коновалова, и его душевное смутение, показал неизбежность трагического конца. Г. Тараторкин не играет будущего великого писателя. Он очень юн и хрупок, его Алехи Пешков (Горький) и сам писал о едва прорезавшихся у него в ту пору «молочных зубах недопольства», о не окрепшем еще сознании. Томительные ночные речи хозяйна, жестокость, нравственное оглушение окружающих его людей, гибель Коновалова вселяют в него боль и трепет. И чем дальше, тем сильнее чувствует Алехи необходимость отградить, защитить свой внутренний мир, сохранить живую душу. В Алехе — Тараторкине есть и юношеская прямолинейность, и дидактизм, и удивление перед людским неразумием. Но главное в нем — нравственная стойкость, чистота ума и сердца. Он уходит от Семенова непобежденным.

«Радуга зимой» — пьеса-обозрение. Связь быстро чередующихся эпизодов в ней несколько произвольна. Действующие лица очерчены четко. И актеры спешат обрисовать своих героев широкими, порой излишне резкими мазками.

В спектакле причудливо смешаны реальность и сказка, лирика и ирония, наивная поэзия и бурлеск. Говорящая лошадь и пёс, беседующий с людьми, и аккуратно снимающий мягкие башмачки при входе в дом, уже самим существованием своим отрицают будничность стандарт комнат, где живут учительница Лидия Ивановна и Гена с матерью. Яркие горят веселые цветы на чайнике и створках буфета у домохозяйки художника дяди Пети. Художник З. Аршакуни щедро пользуется красками лубка. Даже в лирико-романтических сценах, где краски радужны и прозрачны, ощутима мягкая ироническая нотка.

Влюблен в музыку герой спектакля Гена. Но как эгонистически замыкает в своей одаренности, как глух к живым голосам окружающего! На миг встревожит его судьба учительницы, у которой из-за него же, Гены, неприятности; заинтересует необычайная история, придуманная Катей: колышет мысль о матери, волнуется, пока ей бродит по морозным улицам. Но тревога быстро уляжется, интерес погаснет, и опять мальчишеско сосредоточится на самом себе.

И. Соколов играет Гену слишком одиозно. В ее герою глухотворности нет вовсе Гена у Соколовой — такой упрямый, мальчишеский резонер, что, пожалуй, душою его и не «разморозить».

Об О. Волковой, исполняющей роль маленькой Кати, нельзя даже сказать, что она играет, — так органично, естественно живет она на сцене. Волкова покоряет артистизмом, совершенством пластики, точностью мастерством. Кажется, жесты, движения, слова рождаются сейчас, перед нами. Волкова — Катя полна радости. Она фантазирует, возмущая недалеких людей; строит свой иллюзорный, чудесный мир. Этой девочке свойственны созидательная сила и высший талант — талант человечности. Она вся устремлена к жизни, и жизнь открывает ей красоту. В легком кружении снега видят Катя всех, с кем столкнулся ее мигущий день, преображенными, счастливыми, такими, какими надо быть людям в мире, где царит идеал гармонии и правды. Идеал наивный, но светлый и чистый.

Так кончается спектакль. И если бы тоньше, искреннее сыграли молодого ученого Володу, возведенного Катей в ранг волшебника, — И. Шибанов, Яшку — В. Федоров, певца и второго Буратино — А. Хачинский и С. Набоко-Хачинский, тема активной человеческой доброты, «радуги зимой» прозвучала бы ярче, сильнее.

Премьеры «Хозяина» и «Радуги зимой» состоялись недавно, в них еще нет художественной завершенности, нет гармонического равновесия всех элементов. Еще не всегда точен ритмический рисунок спектаклей. Есть неясность и излишняя «красивость» в отдельных сценах «Радуги зимой». Самоограничение — столь трудное в искусстве — не всегда даётся постановщику. А оно необходимо. Ведь ТЮЗ ищет свой художественный стиль, отвечающий его воспитательным задачам.

Г. ЛАПКИНА